

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

В. И. Рассадин

ПРОБЛЕМЫ ОБЩНОСТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ САЯНО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА

Как известно, языки тюрков Сибири составляют восточно-хуннскую ветвь тюркских языков и классификационно входят в две разные группы: уйгуро-огузскую и киргизско-кыпчакскую. Языки, входящие в первую группу, в свою очередь, подразделяются на три подгруппы: уйгуро-тукуйскую (современные тувинский и тофаларский языки и древнеогузский язык — язык енисейско-орхонских надписей), якутскую (якутский язык), хакасскую (хакасский, камасинский, шорский и чулымско-тюркский языки). Во вторую группу входят: алтайский язык (в основном его южные диалекты — телеутский, теленгитский и алтайский, северные же диалекты — тубаларский, кумандинский и челканский — больше тяготеют к хакасской подгруппе языков), современный киргизский и древний киргизский языки.

Классификация эта основана на четких критериях и опирается на определенные языковые факты¹, свидетельствующие о действительном различии всех этих языков.

Однако в процессе сравнительного изучения сибирских тюркских языков — как между собой, так и с другими тюркскими и нетюркскими языками — удалось выявить некоторые особенности в фонетике, морфологии и лексике, характерные лишь для сибирских тюркских языков, в какой-то мере объединяющие их и присущие только им. Больше всего таких объединяющих черт в языках тюрков Саяно-Алтая и прилегающей к нему Минусинской котловины. К этому же региону, особенно в отношении лексики, тяготеет и якутский язык.

Рассмотрим подробнее наиболее характерные специфические особенности, присущие языкам тюрков саяно-алтайского региона.

¹ См.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. М., 1969, с. 313—349.

Так, в области ф о н е т и к и почти все эти языки характеризуются тем, что в анлауте имеют преимущественно глухие гласные. Например: шор. *паш*, хак. *пас*, чул.-тюрк. *паш*, тоф. *паш* ~ *баш*² 'голова' (ср. во всех других тюркских языках *баш* — *id.*); шор. *палыг* 'ссадина', хак. *палыг* 'язва, рана', чул.-тюрк. *пāлыг* 'чирей', тоф. *палыг* ~ *балыг* 'рана' (ср. др.-тюрк. *baluγ* 'рана'); шор. *пер*, хак. *пир*, чул.-тюрк. *пер*, тоф. *пер* ~ *бер* 'дай' (ср. во всех других тюркских языках *бер* — *id.*); шор. *чыл*, хак. *чыл*, чул.-тюрк. *чыл*, тоф. *чыл* ~ *чжыл*, тув. *чыл* 'год' (ср. кирг. *жыл*, каз. *жыл*, др.-тюрк. *jyl* — *id.*); шор. *чок*, хак. *чох*, чул.-тюрк. *чок* ~ *йок*, тоф. *чок* ~ *чжок* ~ *йок*, тув. *чок* 'нет' (ср. кирг. *жок*, каз. *жок*, др.-тюрк. *joq* — *id.*). В тувинском и алтайском литературных языках согласный *б* сохраняет свою звонкость (ср. алт. *баш*, тув. *баш* 'голова', алт. *балу*, тув. *балыг* 'рана', алт. *бер*, тув. *бер* 'дай'), хотя для алтайских диалектов тоже характерно употребление глухого *п* вместо звонкого *б*. Например, у бачатских телеутов *паш* 'голова'³, у кумандинцев *паш* 'голова', *пер* 'дай'⁴. В тубаларском диалекте в начальной позиции не различаются, как и в тофаларском языке, глухие и звонкие согласные *п* — *б*, *т* — *д*, *к* — *г* и др.⁵, поэтому здесь мы имеем *паш* ~ *баш* 'голова', *пер* ~ *бер* 'дай' и т. д.

Для всех тюркских языков Саяно-Алтая характерно еще произношение глухого *с* вместо звонкого *з* других тюркских языков в абсолютном исходе слова и слога. При этом исторически звонкий согласный, следовавший в начале последующего слога, тоже оглушался. Например, общетюркское *кыз* 'дочь' в языках рассматриваемого региона произносится: шор. *кыс*, хак. *хыс*, алт. *кыс*, чул.-тюрк. *кыс*, тоф. *кыс*, тув. *кыс* — *id.*; др.-тюрк. *quzūn*, кирг. *кузгун*, тат. *козгын* 'ворон' здесь произносятся: шор. *кускун*, хак. *хусхун*, алт. *кускун*, тоф. *кускун*, тув. *кускун* — *id.* Глухость ауслота сохраняется и при наращении аффиксов. Так, например, вместо *кызлар* 'девушки' здесь произносятся везде *кыстар*, вместо *кызга* 'девушке' — *кыска*. Эта закономерность служит причиной изменения звукового облика многих тюркских слов.

² В тофаларском языке согласный *б* — слабая фонема, допускающая как глухое, так и звонкое произнесение, равно как и все остальные слабые согласные. См.: В. И. Р а с с а д и н. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 46.

³ См.: К. В. М е р к у р ь е в. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов. — Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974, с. 50.

⁴ См.: И. Я. С е л ь т и н а. Дентопалатограммы кумандинских согласных. — Исследования по фонетике сибирских языков. Новосибирск, 1976, с. 28.

⁵ См.: Н. А. Б а с к а к о в. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, с. 15—17.

Например, кирг. *тизгин* — алт., шор. *тискин* 'поводья'; др.-тюрк. *aγzu* — тоф., тув. *аксы*, хак. *ахсы*, 'его рот'; кирг. *азган* — алт., шор., тоф., тув. *аскан*, хак. *асхан* 'заблудился'.

Группу тюркских языков Саяно-Алтая отличает также такая своеобразная черта, как наличие в ряде слов носовых *n* или *нь* в анлауте на месте древнего **й* и развившихся из него *ч*, *ж* и т. д. других тюркских языков. В эту группу входят тофаларский, хакасский, шорский языки и северные диалекты алтайского языка⁶. Ср., например, тоф. *няа*, хак. *наа*, шор. *наа*, куманд. *наа*, тубал. *ньанты* 'новый' — тув. *чаа*, алт. *јаңы*, кирг. *жаңы*, др.-тюрк. *јапу* — *id.*; тоф. *няндыр-*, хак. *нандыр-*, куманд. *ньандыр-*, тубал. *ньандыр-* 'возвратить' — тув. *чандыр-*, алт. *јандыр-*, кирг. *жандыр-*, др.-тюрк. *jantur-*, *jantur-* — *id.* Развитие этого специфического для саяно-алтайских тюркских языков ареального явления, видимо, следует связывать со среднеязычной артикуляцией смычного согласного *дь*, бывшего когда-то в этих языках и явившегося промежуточной стадией перехода **й* в современные аффрикаты *ч* и *дж*. Кстати, среднеязычный характер этих аффрикат, которые могут варьировать со смычными среднеязычными *ть* и *дь*, сохраняется до сих пор в алтайских диалектах и в тофаларском языке. Переход же *дь* в *нь* (а затем *нь* → *n* под влиянием утраты среднеязычной артикуляции аффрикат) происходил, вероятно, из-за существовавшего в прошлом и в этих языках сильного назализованного характера вообще всей артикуляции, каковая сохраняется еще в тофаларском языке и в некоторых тувинских говорах. Все это уже было рассмотрено нами ранее⁷, поэтому здесь подробно разбирать не будем.

В г р а м м а т и к е наиболее ярким и характерным объединяющим эти языки моментом является наличие особой довольно развитой системы глагольных превербов⁸, которые по функции и зна-

⁶ О противопоставлении североалтайского *нь* южноалтайскому *дь* см.: Н. А. Баскаков. Алтайский язык. Введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958, с. 70.

⁷ См.: В. И. Рассаднн. Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы всесоюзной конференции 3—5 июня 1976 г. Томск, 1976, с. 57—60.

⁸ Типологически сходное явление имеется в монгольских языках. Венгерский монголовед Лайош Беше подробно исследовал монгольские превербы, выдвинув этот термин и убедительно доказав, что лексемы, о которых идет речь, не наречия, а особый тип слов, приближающихся функционально к префиксам. Здесь мы полностью разделяем данную точку зрения и принимаем термин «преверб». Подробнее о проблеме см.: L. B e s e. A Study in Buriat Preverbs. — АОН. Т. 19. Fasc. 2. 1966; о н ж е. On Khalkha Preverbs. — АОН. Т. 21. Fasc. 2. 1968; о н ж е. Preverbs in the Language of the Secret History of the Mongols. — АОН. Т. 22. Fasc. 1. 1969; о н ж е. Contribution to the Problem of the Mongolian Preverbs. — АОН. Т. 23. Fasc. 2. 1970; о н ж е. An Aspect of the Turkic-Mongolian Language Contacts. — Bilimsel bildiriler. Ankara, 1975.

чению в какой-то мере можно сопоставить с системой глагольных приставок некоторых европейских языков (например, русского, немецкого и т. п.). Поскольку в тюркологии вопрос о превербах не изучался и даже не ставился, позволим себе здесь несколько подробнее рассмотреть его.

В языках Саяно-Алтая (шорском, хакасском, алтайском, то-фаларском и тувинском), а также еще в якутском довольно употребительны составные глаголы, первым компонентом которых выступают особые слова-превербы, сообщающие глаголу, носителю основного действия, дополнительные семантические оттенки, связанные либо с направленностью действия, либо с обстоятельством, способом совершения или протекания действия. В грамматиках и словарях эти слова-превербы квалифицируются или как деепричастия, или как наречия, хотя в действительности они ни то и ни другое. В рассматриваемых же языках группа превербов и образование с их помощью составных глаголов являют собой целую систему, и именно этим средством в русско-национальных словарях осуществляется перевод русских приставочных глаголов.

Чтобы можно было получить представление о данном явлении, приведем примеры.

В алтайском языке⁹: *ойо ат-* 'прострелить', *ойо кес-* 'прорезать отверстие' (*ойо* 'насквозь' < *ой-* 'выдалбливать; протыкать, пробить'); *йыга ат-* 'застрелить' (*йыга* 'наповал' < *йык-* 'повалить, валить'); *яра сок-* 'расщепить', *яра чап-* 'перешибить, разрубить' (*яра* < *яр-* 'раздирать; щепать; рассекать; колоть'); *чыгара сордыр-* 'откачать — насосом', *чыгара сүрүп ий-* 'выгнать' (*чыгара* < *чыгар-* 'вывести наружу'); *үзе тиште-* 'откусить', *үзе чап-* 'отсечь, перерубить', *үзе тарт-* 'растерзать' (*үзе* < *үс-* 'рвать, обрывать'); *түжүре тарт-* 'сдернуть' (*түжүре* < *түжүр* 'опустить вниз, заставить слезть вниз'); *кере тарт-* 'натянуть' (*кере* < *кер-* 'натягивать, распыливать'); *чойо тарт-* 'растянуть' (*чойо* < *чой-* 'тянуть, растягивать').

В шорском языке¹⁰: *кезе урун-* 'врезаться', *кезе шабыс-* 'разрубить' (*кезе* < *кес-* 'резать'); *шыгара көр-* 'выглядывать', *шыгара сүрибис-* 'выгнать', *шыгара тарт-* 'вытаскивать', *шыгара учук-* 'вылетать' (*шыгара* < *шыгар-* 'выводить наружу'); *четыре кой-* 'догорать', *четыре учук-* 'долететь' (*четыре* < *четир-* 'доводить, заставить, позволить дойти'); *чара тарт-* 'раздирать' (*чара* < *чар-* 'раскалывать'); *чаза тут-* 'разжимать' (*чаза* < *час-* 'растилать').

⁹ Примеры взяты из: Н. А. Баскаков, Т. М. Тошак ова. Ойротско-русский словарь. М., 1947; Русско-алтайский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1964.

¹⁰ Примеры взяты из Русско-шорского словаря (Новосибирск, 1940).

В хакасском языке ¹¹: *үзе кис-* 'отсекать, отрубать', *үзе сап-* 'отсекать', *үзе тарт-* 'оторвать', *үзе ызыр-* 'перекусить', *үзе кирт-* 'перегрызть' (*үзе* < *үс* 'рвать, оторвать'); *кизе сап-* 'отрубить' (*кизе* < *кис-* 'резать'); *чаза таста-* 'раскидать', *чаза тарт-* 'разворачивать, растягивать', *чаза тут-* 'разжимать' (*чаза* < *час-* 'развертывать, расстилать'); *чара сап-* 'расколоть, расщеплять, разрубить', *чара кис-* 'разрезать', *чара тарт-* 'разодрать, растерзать' (*чара* < *чар-* 'колоть, раскалывать'); *сығара тарт-* 'вытаскивать', *сығара сүр-* 'выпроваживать', *сығара сеєір-* 'выпрыгивать, выскакивать', *сығара учух-* 'вылетать, улетать', *сығара чыл-* 'выползть' (*сығара* < *сығар-* 'выводить наружу'); *кире чјгјүр-* 'вбегать' (*кире* < *кир-* 'заставлять войти внутрь').

В тофаларском языке ¹²: *үзе тырт-* 'оторвать', *үзе тут-* 'задушить', *үзе как-* 'убить ударом', *үзе кес-* 'перерезать', *үзе эттэ-* 'отсечь, отрубить' (*үзе* < *үс-* 'оторвать'); *үндүрү тырт-* 'вытащить, выволочь', *үндүрү сыбыр-* 'выгнать' (*үндүрү* < *үндүр-* 'вывести наружу'); *киирі тырт-* 'втащить, затащить', *киирі шаг-* 'вбивать, вколачивать' (*киирі* < *киир-* 'вводит внутрь'); *кесе эттэ-* 'отрубить, отсечь' (*кесе* < *кес-* 'резать'); *чуура эттэ,* 'раздробить ударом' (*чуура* < *чуур-* 'раздробить'); *ыра как-* 'расколоть пополам', *ыра тырт-* 'разорвать, потянув' (*ыра* < *ыр-* 'раскалывать').

В тувинском языке ¹³: *үзе шап-* 'разрубить', *үзе тырт-* 'разрывать' (*үзе* < *үс-* 'оторвать'); *чара бас-* 'раздавить', *чара кес-* 'разрезать' (*чара* < *чар-* 'раскалывать'); *чедир кыл-* 'доделать' (*чедир* < *чедир-* 'доводить'); *үндүр ит-* 'выталкивать', *үндүр шап-* 'выбить', *үндүр тырт-* 'вытащить' (*үндүр* < *үндүр-* 'выводить наружу'); *чуура шап-* 'раздробить, разбить' (*чуура* < *чуур-* 'раздробить'); *киир как-* 'вбивать', *киир тырт-* 'втаскивать', *киир бас-* 'вдавливать' (*киир* < *киир-* 'вводит внутрь').

В якутском языке ¹⁴: *быһа тарт-* 'перервать', *быһа сиз-* 'переест — о ржавчине', *быһа ытыр-* 'перекусить', *быһа батта-* 'перерезать' (*быһа* < *быс-* 'резать'); *хайа оғус-* 'расколоть', *хайа быс-* 'разрезать', *хайа тарт-* 'разорвать', *хайа хат-* 'рассохнуться', *хайа ас-* 'рассечь' (этимология *хайа* неизвестна); *тосту тарт-* 'дернуть и сломать', *тосту оғус-* 'переломить ударом' (*тосту* < *тоһун-* 'ломаться, переламываться'); *тобулу тус-* 'провалиться', *тобулу ас-* 'проткнуть', *тобулу үүн-* 'прорасти' (*тобулу* < *тобул-*

¹¹ Примеры взяты из: Н. А. Баскаков, А. И. Инкижеков и Г. Р. Екул. Хакасско-русский словарь. М., 1953; Русско-хакасский словарь. Под ред. Д. И. Чанкова. М., 1961.

¹² Примеры взяты из наших собственных полевых записей.

¹³ Примеры см.: Тувинско-русский словарь. Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968; Русско-тувинский словарь. Под ред. А. А. Пальмбах. М., 1953.

¹⁴ Примеры взяты из: Якутско-русский словарь. Под ред. П. А. Слепцова. М., 1972; Русско-якутский словарь. Под ред. П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитонова. М., 1968.

‘прорубать, пробивать’); *халты быс* – ‘резать скользям’ (*халты* < монг. *qaltu* ‘скользям’); *мулту бар* – ‘соскальзывать’ (*мулту* < монг. *mültü* ‘скользям’); *үлмү түһэр* – ‘разбить вдребезги, уронив’, *үлмү кырбаа* – ‘сильно избить’ (*үлмү* < монг. *ültü* ‘вдребезги’). В якутском языке много превербов, заимствованных из монгольского языка. Наличие сходного типологически явления в монгольских языках способствовало взаимопроникновению ряда превербов из монгольских языков в тюркские, и наоборот. Так, тофаларский преверб *үлмү* (например, *үлмү боола* – ‘разбить вдребезги выстрелом’) тоже взят из монгольского языка, а, например, монгольские превербы *қаға* ‘раскальвая, разбивая’, *juḷa* ‘сдирая’, *џоуи* ‘насквозь, продырявливая’ можно возвести к форме деепричастия на *-a/-e* от тюркских глаголов *қақ* – ‘бить’, *juḷq* – ‘обдирать’, *џоқ* – ‘бить’¹⁵.

В тюркских языках, как видно из примеров, превербы внешне представляют собой форму слитного деепричастия на *-a/-e* и притом зачастую от каузативных глаголов. Употребление каузативов (например, *чыгара*, *үндүрү*, *кише*, *тјжјре* и т. п.) там, где по смыслу высказывания (особенно при медиальных глаголах) каузативность кажется излишней (ср., например, шор. *шыгара кјр* – ‘выглядывать’, хак. *сыгара учух* – ‘вылетать’ и т. п.), свидетельствует о полной абстракции этих лексем, отвлечении от функции и значения деепричастия, грамматикализации их и превращении в служебный элемент, привносящий в конструкцию дополнительные семантические оттенки.

Во всех остальных тюркских языках нет подобной системы превербов. В них можно найти лишь спорадические сочетания типа башк. *яза ат* – ‘промахнуться’, *яза бас* – ‘оступиться’; ног. *кыя яз* – ‘писать наклонно’, *кесе ыт* – ‘пройти наперерез’; кирг. *кесе чап* – ‘пресечь, отрубить’, *жапшыра чап* – ‘стукнуть так, чтобы прилип’, *жаза сүйлө* – ‘обмолвиться, ошибиться в слове’, и т. п. Понятия же типа ‘влетел’, ‘вылетел’, ‘втащил’, ‘вытащил’ и т. п., передаваемые в тюркских языках Саяно-Алтая обычно при помощи составных глаголов с превербами, в других тюркских языках имеют совершенно иное выражение: здесь употребительны аналитические конструкции, в которых основной глагол стоит в форме деепричастия на *-n*, а направление или способ действия передаются вспомогательными глаголами *кел* – ‘прийти’, *кет* – ‘уйти’, *чык* – ‘выйти’, *кир* – ‘войти’ и т. п. Ср., например, в татарском языке: *очып чыкты* ‘вылетел’, *очып керде* ‘влетел’, *очып китте* ‘улетел’, *сөреп чыгарды* ‘вытащил’ и т. д.

¹⁵ В отдельной работе нами специально рассмотрен вопрос о типологическом сходстве систем превербов в тюркских и монгольских языках и дана расшифровка на тюркском материале некоторых монгольских превербов. См.: В. И. Рассадин. Об одной монгольско-тюркской корреспонденции в морфологии (в печати).

В лексическом отношении тюркские языки Саяно-Алтая кроме общетюркских слов типа *ат* 'лошадь', *киши* 'человек', *тур-* 'стоять', *бол-* 'стать; быть', *бар-* 'пойти', *беш* 'пять', *кун* 'день' и т. п. объединяет целый пласт лексем, не имеющих параллелей в других тюркских и нетюркских языках. Нам удалось путем проведения широкого сравнения выявить многие десятки слов этого типа. Наличие большого общего пласта специфической лексики объединяет рассматриваемые языки в одну группу. С точки зрения семантики этот общий лексический слой неоднороден. Однако все же можно распределить эти слова на ряд крупных лексико-семантических групп. Для более полной характеристики данного региона языков приведем ниже некоторые наиболее характерные из этих самобытных слов. При этом не всегда слова распространены абсолютно по всем языкам, для нас важно и весьма показательно уже и то, что отдельные лексемы бытуют в довольно отдаленных друг от друга языках, например тофаларском и шорском, тофаларском и алтайском и т. п. Это тоже свидетельствует об их древности и былом широком распространении в рассматриваемом регионе.

Лексика, связанная с ландшафтом

арыскан (алт., тоф., тув.) 'гарь';
меес (алт.), *мёэс* (тоф.), *мээс* (тув.) 'безлесный южный склон горы';

јум в выражении *јум агаиш* (алт.) 'девственный лес', *ним* (тоф.) 'чистый, нетронутый, девственный — о местности, пастбище и т. п.';

каскак: *каскак јер* (алт.) 'круча', *каскак* (тоф., тув.) 'труднопроходимый крутой склон горы, заросший кустарником';

сеп (тоф., тув.), *сип* (хак.) 'залив на реке, озере';

учар (алт.) 'водопад', *ушар* (тоф., тув.) 'водопад; порог' (возможно, в основе этого слова лежит общетюркский корень *уч-* 'лететь').

Флористическая терминология

ай (алт., шор.) в сложном слове *саргай* (< *сарыг ай*), *ай* (хак.) в сложном слове *саргай* (< *сарыг ай*), *ай* (тоф., тув.) 'сарана';

мөш (алт.), *бөш* (тоф.), *пөш* (тув.) 'кедр', *бэс* (як.) 'сосна';

тая (алт.) 'кустарник', *дайа* (тоф.), *дая* (тув.) 'жимолость';

чыраа (алт.) 'кустарник', *чыраа* (хак.) — название кустарника, *чыраа* (тоф.) 'карликовая береза, ерник', *чыраа* (тув.) 'ивняк';

сөгүскен, *сөскөн* (алт.), *сөөскен* (тоф., тув.) 'таволга';

казылган (алт.) — вид черной смородины, *казылган* (тоф., гутаринский говор) 'рододендрон', *казылган* (тув.) — кустарник с черными ягодами;

joyгон (алт.), *чойган* (тоф., тув.) 'пихта';
чиби (алт.), *шиби* (тоф.), *шиви* (тув.) 'ель', *сыбы* (хак.) 'ель';
пихта, *шўбе* (шор.) 'пихта';
эргүүш (алт.), *ээргүүс* (тоф.), *ээргиш* (тув.) 'рябина';
јенес (алт.), *нејес* (тоф.), *чиуис* (тув.), *чејис* (хак., сагайский диалект) 'мох';
чейне (алт.), *шеүнэ* (тоф.), *шеүне* (тув.), *сиүне* (хак.), *шеүде*, *шейне* (шор.) 'пион, марьин корень';
кылбыш (алт., тоф., тув.) 'бадан';
калма (алт.), *һылба* (тоф.), *хылба* (тув.), *халба* (хак.), *калба* (шор.) 'черемша';
ухсум (хак.), *оксум* (шор.), *уксум* (чул.-тюрк.) 'дикий лук';
сарпасын (алт.), *сарпсал* (тув.), *сарпасы* (тоджинский диалект тувинского языка), *сарпасы* (тоф.) 'ревень';
сиген (тоф., хак.) — вид травы, *сиген* (тув.) 'трава; сено';
куулгы (алт. — телеутский диалект, тоф., тув.), *хуулган* (хак.) 'сухостойное дерево';
тазыл (алт., тоф., шор., бараб.), *дазыл* (тув.), *тазылга* (хак.) 'торчащий корень вывернутого дерева';
чобра, *чобыра* (алт.) 'кора лиственницы', *чөһпрээ* (тоф.) 'кора хвойных деревьев', *чөвүрээ* (тув.) 'кора', *собыра* (хак.) 'сухая кора тополя';
шаңда (алт., тув.) 'кора', *шаңда* (тоф.) 'слой коры под берестой', *шауда* (шор.) 'гнилая древесина березы';
тоорчык (алт.) 'шишка — еловая и пихтовая', *тоорук* (тоф.) 'шишка остальных хвойных деревьев, кроме кедра', *тоорук* (тув.) 'кедровая шишка', *торым* (хак.), *тоорум* (шор.), *тоорган* (чул.-тюрк.) 'шишка', *туорах* (як.) 'древесная шишка'.

Лексика, относящаяся к животному миру

анай (алт., тув.), *аһнай* (тоф.) 'оленок';
бабырган (алт.), *пабырган* (хак.), *аһпырган* (тоф.), *авырган* (тув.) 'белка-летяга';
көрүк (алт., шор.), *көрик* (хак.), *һөөрүк* (тоф.), *хөөрүк* (тув.), *күвәрик* (чул.-тюрк.) 'бурундук';
өркө (алт.), *өрке* (хак.), *өрге* (тоф., тув.), *өргүө* (як.) 'суслик';
тооры, *табыргы* (алт.), *табырга* (хак. — сагайский диалект), *табыргы* (шор.), *тооргу* (тоф., тув.) 'кабарга';
јс (алт., хак., шор., чул.-тюрк.), *үс* (тоф., тув.), *үүс* (як.) 'рысь';
томуртка (алт.), *тобыргы* (хак.), *тоһорго* (тоф.), *торгу* (тув.) 'дятел';
кеерген (хак., шор.), *кеэрһен* (тоф.), *кээрген* (тув.) 'кедровка';
чилен: *кара чилен* (алт.), *шилен* (тоф.) 'аист', *шилен* (тув.), *сүлен* (хак.), *шүлен* (шор.) 'цапля';

сымда (алт.), *сым*, *сымна* (хак.), *сымны* (чул.-тюрк.), *сынма* (шор.) 'рябчик';
таркат (алт.), *тархат* (тоф.) 'утка-крохаль';
тарагай (хак.), *таргый* (тоф.), *даргый* (тув.) 'бекас';
мечиртке (алт.), *беһерген* (тоф.), *межерген* (тув.), *мэкиргэ* (як.) 'сова';
таскачак (алт., шор.), *таскадзак* (чул.-тюрк.) 'сова, сыч';
эсір (тоф.), *эзир* (тув.) 'орел', *эсир* (як.) — птица наподобие журавля;
маас (алт., хак., тув.), *мас* (тоф.) 'паут, овод';
бел (алт., тоф., тув.), *пил* (хак.), *пел* (шор.), *бил* (як.) 'таймень';
миит (тоф.), *мыйыт* (тув.), *быйыт* (як.) 'ленок (рыба)';
чойлошкон (алт.), *шойлашкан* (тоф.), *шыйлашкын* (тув.) 'дождевой червь'.

Названия утвари, частей жилища, орудий труда, одежды

кылъы (алт.), *һылъжы* (тоф.), *хылчы* (хак. — сагайский диалект), *хылчағ*, *хылға* (хак.), *кылы* (шор.), *кылдьы* (як.) 'дужка ведра';
илжирме (алт.), *ильчжирме* (тоф.), *илчирбе* (тув.), *илчирбе* (хак.), *илчирме* (шор.) 'очажная цепочка';
со (тоф., тув., шор.¹⁶) 'берестяной сосуд';
барба (тоф., тув.) 'переметная сума', *марба* (як.) 'кожаный мешок';
сыран (алт. — телеутский диалект¹⁷) — один из шести основных шестов чума, *сыран* (тоф.) — опорный шест чума, к которому привязывается очажная цепочка и который поддерживает весь остов чума, *суран* (тув.) 'основа берестяного чума';
озуп, *оозык* (алт.), *осук* (тоф.), *озук* (тув.), *усып*, *оозуп*, *озук* (хак.), *осуп* (шор.) 'корнекопалка';
орбо (алт.), *орпа* (тоф.), *орба* (тув., хак., шор.) 'колотушка шаманского бубна' (происходит, вероятно, от глагола *ор* — 'бить, ударять', не сохранившегося в языках Саяно-Алтая, но широко представленного в других тюркских языках);
теербек (алт.) — кольца, которые опоясывают колотушку шаманского бубна, *дээрбек* (тоф., тув.) 'подвески на поясе';
чүһнүр (тоф.), *чүвур* (тув.) 'штаны', *сүбүр* (хак. — качинский диалект) 'панталоны';
якы (алт.), *чагы* (тоф., тув.) 'шуба, доха', *чагы* (шор.) 'шуба из собачьих шкур';

¹⁶ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб. 1911, стб. 512.

¹⁷ См. там же, стб. 639.

ая (алт., тув., хак.), *айа* (тоф., шор., як.) 'лук-самострел'; *согон* (алт.), *согун* (тоф., тув., чул.-тюрк.), *соган* (хак.), *соган* (шор.), *оноғос* (як., метатеза) 'стрела' (возможно, слово происходит от глагола *сок-* 'бить, ударять');

эдиске (алт.), *э́тиски* (тоф.), *эдиски* (тув., шор.) 'манок-пищик на косулю, кабаргу' (вероятно, в основе слова лежит глагол *эт-* 'издавать звук', сохранившийся, например, в тофаларском *э́т-* и тувинском *эт-* в значении 'издавать звук, кричать — о животных', в якутском языке *эт-* 'говорить — о человеке, куковать; греметь — о громе' и зафиксированный в древнетюркском языке *ät-* 'петь — о птицах').

Г л а г о л ы

кажай- (алт.), *хазар-* (хак.), *каъһяр-* (тоф.), *кажарар-* (тув.) 'побелеть, поседеть; виднеться белым' (ср. кирг. *кашкай-* — *id.*, *кашка* 'белая отметина на лбу животных'; возможно, во всех этих словах общий корень **каш*);

кыйбыңда- (алт. — тубаларский диалект ¹⁸) 'двигаться, шевелиться', *хойбаңна-* (хак.) 'вилять, извиваться', *кыйпаңна-* (тоф.) 'двигаться зигзагами', *кыйпа-* (тоф.) 'отклоняться в сторону при движении', *кыйбыңна-* (тув.) 'ерзать, вертеться, шевелиться', *кыйба-* (тув.) 'отклоняться — от цели; слоняться без цели', *куйбаңна-*, *куймаңна-* (як.) 'извиваться, вилять, вихлять';

калаңда (алт.) 'качаться, свисая, болтаться из стороны в сторону', *халбаңна-* (хак.) 'болтаться — об одежде', *һалаңна-* (тоф.) 'свисая, качаться из стороны в сторону, болтаться', *калбаңна* (шор., тув.) 'качаться, колебаться, болтаться — от ветра', *халбаңна-* (як.) 'сдвигаться с места; шататься';

мергеде- (алт.), *миргеле-* (хак.), *мерһеле-* (тоф.), *мергеле-* (тув.) 'кидать, швырять';

түл- (алт.), *дүл-* (тоф., тув.) 'класть мясо в котел для варки; варить мясо в котле';

тур- (тоф., тув.), *туур-* (як.) 'выбить, вышибить';

чымыра-, *чыбыра-*, *шымыра-* (алт.), *сыбыра-* (хак.), *сыбра-* (шор.), *сымыра-* (тоф.), *сымыран-* (тув.) 'шептать';

йүңыла- (алт.), *чуңгула-* (тоф., тув.) 'скользить, кататься на чем-либо скользком'.

П р о ч и е с л о в а

аамай (алт., тоф., тув.), *аңмай* (шор.) 'ротозей', ср. *аңмай-* (хак.), *амай-* (як.) 'ротозейничать';

¹⁸ См.: Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, с. 134.

мерге (алт., тув.), *мирге* (хак.), *мерге* (тоф.) 'палка, бита'; *соот* (алт.) 'забава, развлечение, увеселение', *соот*: *чуга-соот* (тув.) 'разговоры', *соот* (тоф.) 'слово', ср. *соотмас-* (хак., чул.-тюрк.) 'говорить, беседовать';

коос (алт. — в телеутском диалекте¹⁹) 'красивый; щеголь; украшение, убранство', *хоос* (хак.) 'рисунок, узор; украшение, вышивка', *куас* (бараб., чул.-тюрк.)²⁰ 'франтоватый; красивый, видный', *каас* (тоф.) 'нарядный; узор, украшение', *каас* (тув.) 'нарядный, пышный';

энир (тоф.), *энир* (тув.), *унур* (як.) 'недавно';

эн: *эн эт* 'мышцы спины', *эн учук* 'спинные жилы' (алт.), *ээн*: *ээн эт* (тув.), *эн*: *эн эт* (тоф.) 'мышцы спины', *иэн* (як.) 'нижняя часть спины от поясницы до крестца';

эдир (тоф.) 'жировая подушка поверх желудка', *эдир* (тув.), *итир* (як.) 'сальник';

чырымна (тоф.) 'болонь, пленка на мясе', *шырыума* (тув.) 'пленка'; *сырыума* (шор.) 'лишайник';

саат (алт. — в теленгитском диалекте²¹) 'яремная жила на шее', *саат* (тоф.) 'шейная жила', *саат* (тув.) 'сонная артерия'; *аай* (алт., тоф., тув.) 'порядок, суть, толк', *аанья* (як.) 'соразмерность, суть, толк';

адыш (тоф., тув.), *ытыс* (як.) 'ладонь';

чедирген (алт.), *шедирген* (тоф.) 'искра'.

Как можно видеть из приведенных здесь примеров, этот общий специфичный лексический слой состоит в основном из названий, отражающих особенности местного ландшафта и охотничьего и собирательского быта, местную флору и фауну. Дальнейшая работа над расширением этого пласта слов могла бы выявить много интересных общих деталей быта тюркских народов Саяно-Алтая, отраженных в языке.

Приведенные слова можно, с одной стороны, трактовать как остатки местного субстрата, если встать на вполне справедливую, по нашему мнению, точку зрения, согласно которой современные тюркские языки Саяно-Алтая и Хакаско-Минусинской котловины образовались в результате распространения какого-то древнего тюркского языка среди аборигенных нетюркских племен²². По предположению Е. И. Убратовой, таким языком мог быть какой-то древний тюркский язык кыпчакского типа. «Древний киргизский язык, по всей вероятности, относился к языкам кыпчакского типа. Распространение его в среде разноязычных

¹⁹ См.: В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, стб. 621.

²⁰ Там же, стб. 887.

²¹ По нашим полевым записям.

²² См.: Е. И. У б р а т о в а. Вопросы диалектологии тюркских языков. — Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. Баку, 1963, с. 85.

племен и дало разные племенные языки с общей основой. . .»²³. Но поскольку субстрат в этом регионе был разный (угры, самодийцы, кеты), более вероятно другое предположение: этот общий лексический слой может быть остатком именно того древнего тюркского языка (возможно, древнекыргызского), который был воспринят местными аборигенными племенами. Кроме того, многие из этих слов бытуют и у якутов. А они могли унести их на Лену со своей старой родины, Присаянья и Прибайкалья, где были, вероятно, тесно связаны с рассматриваемым ареалом тюркских языков.

Оглушение же согласных в анлауте следует отнести к влиянию субстрата, как совершенно справедливо считал А. П. Дульзон, так как это — особенность угро-самодийских и кетских языков²⁴. Данное мнение поддерживает М. И. Боргояков²⁵. К такому же выводу пришла и Н. З. Гаджиева, установив, что тюркские исконные глухие согласные анлаута озвончились, а затем опять оглушились в сибирских тюркских языках под влиянием субстрата²⁶.

Наличие глухого анлаута, согласного *-z-* в инлауте (на месте *-j-* и *-d-* других тюркских языков) и ряд иных признаков позволяют отнести к языкам Саяно-Алтая (конкретно — к хакасской подгруппе) и язык желтых уйгуров²⁷. По *z-*признаку и ряду других сюда же следует включить и язык кыргызов уезда Фууй²⁸.

Однако в лексическом составе языка желтых уйгуров и языке кыргызов уезда Фууй отсутствуют параллели к тем примерам, которые мы привели выше и которые характерны для тюркских языков Саяно-Алтая, хотя одно слово все же удалось найти: ж.-уйг. *егеш*²⁹, *igeš*, *jigeš*³⁰ 'сука' можно сопоставить с алт. *эши* 'самка медведя', шор. *эши аң* 'самка соболя', тоф. *эши*, тув.-тодж. *эши* 'самка соболя, медведя'. Интересно также бытование параллелей к ж.-уйг. *езер* 'седло' с *z-*признаком не только в языках

²³ Там же, с. 86.

²⁴ См.: А. П. Дульзон. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири. — Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 203.

²⁵ См.: М. И. Боргояков. К истории языковых отношений в Саяно-Алтайском регионе (IX—XII вв.). — ТС-1974. М., 1978, с. 61.

²⁶ См.: Н. З. Гаджиева. К истории анлаута в тюркских языках. — Тюркологические исследования. М., 1976, с. 93; она же. О трех этапах изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков. — ТС-1974. М., 1978, с. 71.

²⁷ Подробнее см. об этом: М. И. Боргояков. К истории языковых отношений, с. 58—64.

²⁸ См.: Э. Р. Тенишев. О языке кыргызов уезда Фууй (КНР). — ВЯ. 1966, № 1, с. 94; М. И. Боргояков. К истории языковых отношений, с. 57—59, 64.

²⁹ См.: С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. А.-А., 1957.

³⁰ См.: Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 181, 184.

хакасов и шорцев (ср. хак. *изер*, шор. *эзер* 'седло'), но и в языках тофаларов и тувинцев (ср. тоф. *эзер*, тув. *эзер* — *id.*), хотя во всех остальных словах в тофаларском и тувинском языках в инлауте представлен согласный -d- (ср. хак. *пöзiк*, шор. *мöзiк* — тоф., тув. *бедик* 'высокий').

Отсутствие достаточно полных лексических материалов по языкам желтых уйгуров и кыргызов уезда Фуюй не позволяет пока провести широкие лексические сравнения их с языками тюрков Саяно-Алтая.

Приведенные в данной статье фонетические, грамматические и лексические материалы убеждают, что, хотя современные тюркские языки и входят классификационно в разные группы и подгруппы, они в то же время сохраняют в себе следы былой общности. Наличие однотипных конструкций с провербами, а также ряда глаголов, наречий и прилагательных, характерных только для них, свидетельствует, что это единство, общность их достаточно глубоки и речь не может идти, разумеется, лишь о единичных взаимных лексических заимствованиях, распространившихся в результате маргинального контактирования родственных языков внутри данного ареала.

Нам представляется, что весьма плодотворным было бы проведение более широких и углубленных исследований внутри ареала саяно-алтайских тюркских языков, чтобы полнее и рельефнее выявить те черты, которые объединяют их и могут, вероятно, принадлежать тому древнему тюркскому языку, который распространился среди аборигенных племен рассматриваемого региона.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

алт.	— алтайский язык
бараб.	— язык барабинских татар
башк.	— башкирский язык
др.-тюрк.	— древнетюркский язык
ж.-уйг.	— язык желтых уйгуров
каз.	— казахский язык
кирг.	— киргизский язык
куманд.	— кумандинский диалект алтайского языка
ног.	— ногайский язык
тоф.	— тофаларский язык
тубал.	— тубаларский диалект алтайского языка
тув.	— тувинский язык
хак.	— хакасский язык
чул.-тюрк.	— чулымско-тюркский язык
шор.	— шорский язык
як.	— якутский язык